

Город Градов

28 марта исполнится 220 лет Большому театру

Виталий Зымынин

Сыр-бор

Только забыли, как страшный сон, о самом грандиозном спектакле за всю историю театра — с расхождением Юрия Григоровича и вместе с ним Александром Лазаревым и Валериям Левитским. Но не тут-то было. Новый руководитель Большого Владимир Васильев и исполнительный директор Владимир Коконин начали вроде бы прогрессивные преобразования — и пожар вслыхнул опять.

Нововведение — контрактная система, представляющая конкурс (каждому сразу, в несколько мифической форме) и отсев, — вызвало отчаянное сопротивление значительной части огромного коллектива театра. С одним почему-то не заключают контракт, с другим почему-то не заключают. Среди обиженных бытуют такие формулировки, как нарушение КЗОТа, отсутствие социальной защиты артистов, жестокость администрации, сведение счетов с неугодными.

На сегодняшний день в конкурс поучаствовали более 300 человек, причем рассматривались заявления как от артистов театра, так и со стороны. Администрация отказала в заключении контракта 27 людям Большого. КЗОТ же пока, по моим представлениям, был «нарушен» в том, что всем 27 предоставляли возможность доработать в театре до закрытия текущего сезона — т. е. до 10 июня — на срок обычных окладов.

Тем не менее недовольных много. Ведь прежде все делалось просто. У Григоровича и его товарищей по искусству, Григоровича и просветителя Борзова за справедливостью не зарывался тропя в ЦК КПСС. Вот и юные поперевые держались при переходе на контрактную систему решения продвигать слабые традиции. Притом ясно, что, например, в Министерство культуры обратиться бесполезно — куда Евгению Сидорову справится с такими голосистым монстром, как Большой театр. И ходок обратил взор на новую Госдуму.

Обязательно донести правду до властей возложил на себя президент профкома тенор Владимир Курдюков. Ему, с самого начала (т. е. с самой свадьбы Григоровича) стоявшего в оппозиции к Коконину, а затем и Коконину вместе с Васильевым, крупно повезло. Заместитель председателя думского комитета по культуре Александр Шинков, тогда еще, не так давно попавший в Большой в качестве практика. Советник по культуре — Герман Раминский, бывший фиделит оркестра Большого театра (проработав много лет, музыкант был блестящий), ныне културолог.

Александр Шинков, ознакомившись с проектом закона о предоставлении о создании особого закона о Большом театре, с чьим журналистам и сообщая на пресс-конференции с участием обиженных артистов. Поскольку пресс-конференция оказалась достаточно неинтересной, корреспондент, связавшись с Большим, начал отношения, назвал силы (надо сказать, театральной Думе) — удовольствие небольшое) специально встретился с Раминским и Шинковым, ведь им, благодаря выслушанному председателем профкома, суждено сыграть в судьбе театра не последнюю роль.

По полочкам

Герман Зымынин Раминский проанализировал объективные корни перманентной «надрезки» в Большом:

— Собития последних лет имеют свою предисторию. В театре были разные периоды, а сам много пережил, работал в оркестре с 1959 года. Но всегда Большим был объединен одним стержнем. Им был художественный руководитель театра. Я. в. следовательно, не застал Голованова. Но застал Мелиха Пашаева, который и взял меня в театр. Это были фигуры! А при нем еще Хайкин, Файер — выдающиеся личности.

Россию с дирижерами хорошо повезло. В России работали такие корифеи, как Гук, Пазовский, Сук, Голованов. А сейчас дирижеры мирового класса (рядя Караян, Лооски, Маэлла, Маркелли, Стокгольмский) остались три-четыре. Я бы назвал Светланову, Рождественского, Темирязева. Это, что называется, верный якорь.

И если грубо, условно сравнить с литературой, там есть Толстой, Достоевский — а есть Софроню, Зеленов какой-нибудь. Так и в музыке: Светланов, Рождественский, Темирязев — это мировые социобразы. Далее — бы постыли Симонову, Фелосееву, Гергиеву, Колобова сейчас выжили. Но это уже вторая полка, второй ряд.

И есть полка выходящих музыкантов, но «самодельных» дирижеров, которые захотели — и решили поджидать. К ним относится, скажем, и Мстислав Ростропович. Как дирижер он по-настоящему стал формироваться последние год-два.

Так вот, как културолог я скажу вам, что, по коллективным фундаментальным исследованиям, профессионалам в художественной культуре можно спать только через 15 лет профессиональной деятельности. На родине ведь сразу не задремать? Тоном так же и с дирижированием. «Захотел» высочайше — продирижировал — так и получил. Светланов еще не состоялся как дирижер. И Павел Коган. И даже Стравинский был любимым, всеми любимым, — он, безусловно, а первую очередь выходящей скрипка.

Но вернемся к Большому театру. 17 лет настоящим профессионалом, настоящим стержнем театра был дирижер Юрий Симонов. Потом нагрянул Александр Лазарев со своей командой — и Симонова убрала... за неуплату партийных взносов. Стали преследовать его, гнать.

Новая команда пришла — убрала Лазарева. А что осталось в театре? Уже при Лазареве был левый стержень в лице дирижера-корифея. Был левый стержень, потому что художественным руководителем был Юрий Григорович. Он выдающийся, фантастический балетмейстер. Но театр для балетный крен. А ведь в это время даже вторая полка в театре была прекрасная, гениальная, можно сказать. Жоржита дирижировала балетным, Эрмлер — оперным. У меня даже образ такой сложился: из восьми колонн Большого театра две крайние, несущие — Жоржита и Эрмлер. Они и держат портал, а в середине маяется Мелиха-Пашаев, Рождественский, Светланов...

Что мы имеем теперь, после изгнания Григоровича и Лазарева? Балетный крен вправо! Потому что в результате всех вышесказанных художественных руководителем назначили опять выдающегося балетного танцовщика Владимира Васильева. А оперного стержня, который держал бы театр, нету. Нынешний главный дирижер, приглашенный из Вены Петер Ференц — это нормальный хороший дирижер, третья-четвертая полка. Конечно, Коконин предлагал это место и Рождественскому, и Светланову. Но как? При художественном руководителе Васильеве. Предложить корифею или главным дирижером оркестра при балетном руководителе — это намереть их обидеть.

Эрмлер тоже предлагали — он отказался. Кроме того, они все сейчас устроены, работают по очереди по крупным мировым театрам. Симонов хотел бы в Большой вернуться — он сейчас главный в Брюсселе. Эрмлер — в «Колент-Гардене», Светланов — в Стокгольме, Лазарев устроился в Дубсбург.

Вот так — то один крен, то другой. Возмущенных обещаний в Думу было много. У нас все писемным завлечено — вот такая толстенная папка. То семнадцать человек в поддержку Григоровича, то обращение общего профессионального собрания, то в поддержку Коконина, то в защиту Васильева, то резко против них...

Теперь в Думе культуру выделяли в отдельный комитет, обозначая тем самым ее значимость. И мы намерены тихо, спокойно, без скандала и эмоций, заниматься законодательством в сфере культуры, в том числе разрешением проблем Большого театра на законодательном уровне.

«Гранд-опера»-2

Что же за закон намерена разработать и принять Дума в отношении Большого театра? Подробности я постараюсь узнать у Александра Шинкова, покинувшего ради этой беседы заседание фракции ЛДПР. Со мной он был настороженно вежлив. А месяц назад с Балой Руденко, художественным руководителем оперной труппы, как она подпевала, не церемонился: «Мы все тут всею по стенке размажем...»

— Александр Борисович, сколько обиженных контрактной системой артистов подписала письмо?

— Оно идет за одной подписью — председателя профкома Владимира Курдюкова.

— Что лежит в основу закона о Большом театре? Или это папа коллективного ума?

— За основу по возможности возьмем Закон о парижской «Гранд-опера».

— С ним где-нибудь можно ознакомиться?

— Пока нет. Он есть только на французском языке. Переведем — пожалуйста. Но это будет, конечно, только отрывная точка, что-то будем только брать, что-то — нет.

— Почему вы решили, что именно «Гранд-опера» для нас образец?

— Изучено касается всего: и финансирования, и взаимоотношений творческого коллектива с администрацией.

— Какие гарантии при артистов предусматриваете?

— Гарантированы социальная защита. Но в принципе закон необходим, чтобы вообще сохранить театр. Сохранить труппу и приумножить ее. Не количественно, а качественно. Качество даст приспосабливаться на мировом уровне.

— Извините, тогда и чего-то не понимаю. Разве не именно это происходит сейчас в Большом? Не будем переходить на личности, но кто же не знает, сколько баллиста накопилось в театре со всеми его «блательными» бездариями, с артистами, потерявшими форму, с великими кумирами бесконечных гитаристов?

— Моя основная претензия к руководству Большого: я не потропился, ли они со вводом контрактной системы? Может, конкурс надо было начать на полгода позже, подготовив сначала законодательную базу, проработав финансовые вопросы. Чтобы сбить конфликты к минимуму. Сейчас Большой пользуется массой положительных постановлений — от президентских до внутритеатральных. Часть из них вступает в противоречие не только с КЗОТом, но и друг с другом.

— Неужели вы всерьез думаете, что можно избраться закон, который, ширинеру, позволит бы безболезненно выморднуть артиста (тем более приходящего быть ведущим) со сцены за везение?

— Иногда человек уже по возрасту теряет свой уровень. Но, извините, если ему два года до пенсии и раньше он был первым, а теперь может крепко справиться с партией второго положения — почему его не использовать. И дать ему возможность доработать до пенсии. Он уйдет и скажет спасибо.

— В крупных западных театрах всегда существует такая штатная труппа, от 20 до 50 человек, а здесь припадают на контракт. Не предполагал бы закон о Большом театре создание штатного расписания в таком же формате?

— Большой всегда отличался тем, что был стационарным театром. Если взять, к примеру, «Метрополитен-опера» — у них тоже постоянный хор, обслуживающий персонал, солисты второго и третьего положения. И только солисты первого положения — это приглашенные по контракту гастролеры.

— А как же будет у вас?

— Пока не берусь судить. Если приглашать такие труппы, что заведется валом на пенсию. Остатки яду поглотят — и все остальное. Штатный мастер-тенор и мезоприпевец пока, останутся без зарплаты. Потребуют выпарить приемышек для Большого театра закон вместе с его руководством.

— С вынужденно? Или сначала самим решить?

— Все снимем — и на чье-то место придет? Так не бывает. Допустим, придет седьмой номер — никто не знает, лучше они будут или хуже, чем нынешние руководители. У меня с Владимиром Викторичем Васильевым могут быть разногласия, касающиеся проведения конкурса. Но Васильев всю жизнь отдавал Большому театру, не понимает этого нельзя. Это ведь тоже своеобразная драма, присущая российским артистам: люди, работающие в Большом, обожают этот театр. Они получают деньги, которые совершенно не соответствуют ни масштабу их таланта, ни уровню мастерства. Но они соросили с этим театром, они здесь в родных стенах.

— Попадат ли под закон о Большом театре Малинина?

УПАКОВАННИЕ ШЕЛОБИРА. 1981

— Если они захотят. У них очень хороший коллектив сложился. Гергиев руководит нормально. Нам бы тоже так хотелось... Вы понимаете, Ференц очень радовой дирижер, он закончил Петровсково-воинскую консерваторию, но не Сук и не Направник. Он какие-то оперы очень прилично дирижирует, «Савальо Фиторо», например, он на ней был ассистентом у Аббадо. Но российскийская музыка требует немалого другого.

— Есть ли вероятность, что Рождественский или Светланов вернутся в Большой?

— Надо всем вместе уговорять.

— Самый большой вопрос — финансирование. Каким законом на поговор, узнать что-то надо. Подрабатывает ли в законе подталкивание к Большому месячным структур?

— Для этого параллельно будет готовиться закон о менеджменте. Я и намерюсь разработать закон двух этих законов.

— Закон о менеджменте предполагает, что с менеджерами будут сняты какие-то налоги?

— Да, вероятно. Но это уже надо длительно обсуждать с комитетом по бюджету. Оба закона постараемся подготовить к концу года.

Большой привел от Шмакова

Грустно признавать, что роль Спартак в балете удавалась Владимиру Васильеву куда лучше, чем роль художественного руководителя Большого театра. Но если вспомнить, в какой ужасной ситуации размыла, по навету сравнимой лишь с расколом МХАТа, он «присутствовал к исполнению», остается спросить: а вы хотели бы, чтобы Большим руководил бездарный искусствовед в штатском или не терпящий возмездия бас в погоня? В тот момент Васильев спас театр от кровавой схватки между приверженцами Григоровича и сторонниками директоров (ныне — исполнительного директора) Коконина.

Кто из музыкальных журналистов не помнит того собрания в Большом театре, где только что названный «главным» Васильев в своем человеческом ленине говорил какие-то простые, искренние до глубины души, а вдруг совершенно раздирав обшитоному, заставляя поверить, что тырлы повернуть, мы насадим новый сад, и Большой развернется наконец лицом к миру?

Но не больно-то пока это получается в стране, которая никак не ронзает свои деянса. Большой — театр-полис, театр-город; ему, непоноритому, особенно трудно. Вот Дума и готовит театр Закон. Может, даже Законисше. Как писал Андрей Платонов, «всегоду должен быть документ и закон».

У Васильева с Кокониным тоже разностилье уже больше, чем сезоны. Но как не бояться артисты, недовольные обоими и воспользовались внутритеатральными разпрями, что стнут еще более жалкой и одновременно кожной жертвой платоновского Ивана Фелоговича Шмакова? Не бояться, что в основу закона лягут в конце концов не положения о «Гранд-опера», далекой, как лазурное небо, а тайный труд скромного зав. подполковника губернского управления?

Худшим ярком порядком и гармонично товарищи Шмакова считал природу: вста в ней что-нибудь случается. Худший якорь театра, с точки зрения чиновника, да еще не чуждо-го логичнее, — это творчество. Вечно оно грозит чем-нибудь непредвиденным.

Господи, зачем Ты вообще тогда создал театр? Ведь не только же для того, чтобы люди боготворили (артисты) могли людей обыкновенных развеселить или развлечь, отвлечь или оаудиторство, так ведь? Зачем Ты терзал артистов, любящих небеса, земными страстями, достойными лишь комедий да фарсов? Существо именно оно так часто искушает свою славу на подмостках? И чем большой славою окутал театр — тем гуще страсти, зависти, обиды.

Так же нужна Большому театру пустого символа державности (уж оно-то обязательно будет за скобками закона), из-за которой он превращается в шапчатую фигуру на большой политической доске? Вспомним, что при создании Большого в 1776 году правительственная привилегия давалась ему как общедоступному театру для народного удовольствия и увеселения. Между прочим, многие его оперы носили антикрепостнический характер.

Может, пусть шапкой для алмаз вмушки будет Кремлевский балет в бывшем ИКДСе, пусть даже создадут Кремлевскую оперу (лот и пристанище для не прошедших конкурс в Большой). Ради культурного времени-препровождения иностранных гостей, предельных вечером, после каких-нибудь переговоров, под важнейшие звонки образцово-показательного оркестра и декоративно-фигурные передвижения артистов — отличного производства.

А Большому заслуживает того, что оставшееся театром. Живым. Пусть на всеобщий страх и виск Васильев согласовывает «Транзитив». Пусть хотя изредка стоит за пультом самодеятельных гастролеров, из которого и в мире не найти упрямца. Пусть самодеятельный Плетнев продирижирует, например, «Китеже» — кто бы отказался послушать? И Терзиев, кажется, по месту, такльому догнать все-таки свидается со второй полкой до Большого. Пусть иногда выйдут на свою любимую сцену Майя Плисецкая — вот это никогда не вымыслить в стоную законность и надлежиде мероприятия: мероприятия она в избытке придуывает сама.

Пока же идет грубое, со свистом, провозражение поменшеть. Делать, однако, скоро могут и прикрывать. Закон о Большом театре, по Платонову, «умоножит порядок и гармонию» в его «непленом, неудостверенном мире». Маршем будет выхлудить, носок тннуть, гузд колесом, толос бодрый и никакких туд неудостверенных колоратур. Все для державы. И при чем здесь бежары и дефидреды, о которых размещается Васильев? В хорашем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте, а не поет бесполозные песни.